

ЮЛИЯ КАНТОР
ВИЛОН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ Музеи России в 1941-1945 гг.

История сталинизма

Юлия Кантор

**Невидимый фронт. Музеи
России в 1941–1945 гг.**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2017

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)62

Кантор Ю. З.

Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. /

Ю. З. Кантор — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2017 — (История
сталинизма)

ISBN 978-5-8243-2198-2

Монография посвящена судьбе музеев нашей страны во время Великой отечественной войны. основана на анализе ранее неизвестных документов из РГАСПИ, ГА РФ, ЦА ФСБ России, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива Республики Крым, Национального архива Финляндии, Архива органов власти и управления Украины, Латвийского государственного исторического архива, архивов Государственного музея политической истории России, Красноярского краевого краеведческого музея и др. Рассматриваются проблемы эвакуации культурных ценностей, подготовки к «разгрузке» музеев в предвоенное время, «сложные вопросы» взаимодействия государственных институтов и интеллигенции в различные периоды войны, будней музейщиков блокадного Ленинграда, повседневности музеев тыловых регионов и их взаимодействия с прибывшими в эвакуацию, восстановления музеев и реставрации памятников культуры на освобожденных от нацистов территориях, роли музеев в патриотической мобилизации населения в годы войны, их участия в пропаганде и формировании исторической памяти о Великой отечественной, сбору артефактов на полях сражений, созданию новых музеев в годы войны. Является первым онтологическим исследованием, посвященным судьбе музеев России от Мурманска до Владивостока в период Великой отечественной войны, их роли как историко-культурного феномена в сохранении «генетической памяти» поколений, формировании чувства исторического достоинства. Книга снабжена уникальными иллюстрациями из музейных фондов. Монография рассчитана как на специалистов в области

истории Второй мировой войны, музееведов, преподавателей гуманитарных дисциплин, так и для всех, кто интересуется историей отечественной культуры. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)62

© Кантор Ю. З., 2017

ISBN 978-5-8243-2198-2

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2017

Содержание

Генетическая память	7
Глава I	9
Глава II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Зораховна Кантор
Невидимый фронт. Музеи
России в 1941–1945 гг

© Кантор Ю. З., 2017

© Политическая энциклопедия, 2017

Генетическая память *Вместо предисловия*

...Помню детские впечатления от первой прогулки с родителями по Царскому Селу. Воспетый Пушкиным парк, напоенный чуть горьковатым ароматом опавшей листвы, темные пруды, отражающие разноцветье деревьев, изящные мраморные статуи и пронизанные насквозь горизонтальными лучами сентябрьского солнца роскошные залы Екатерининского дворца. От сияющей красоты анфилад, старинной живописи и орнаментов инкрустаций, изысканной мебели и даже на вид хрупкого фарфора перехватывало дыхание, щеколтало под ложечкой... Особенно потряс Большой зал – переливы золотых виньеток барочных стен, вспыхивающие искры хрусталя светильников, наборный паркет, «приглушенно» отражающий «объемный» плафон с хороводом ласковых божеств и льющийся в огромные окна свет из нарядного парка... Вечерет – музей закрывается. Уходим. И уже у выхода из роскошного зала – оглушающий удар, шок, почти физическая боль: у дверей, на треножнике стояло огромное черно-белое фото. Фото этого зала – изуродованного, превращенного в обугленные руины, каким оставили его нацисты в 1944 г. Этот нестерпимый контраст – цветной, впитываемой всеми органами чувств, гуманистичной красоты и черно-белого «стоп-кадра» человеконенавистнического варварства – врезался в память навсегда.

...Снимки дворцов и парков пригородов Ленинграда, сделанные сразу после их освобождения, можно было встретить во всех дворцах-музеях северной столицы до начала 90-х годов. Затем они исчезли – почти одновременно из всех музеев, появляясь лишь на выставках, посвященных войне и Победе, да на научных симпозиумах. А жаль: те снимки действовали красноречивее любых «беглых» рассказов экскурсоводов о военном лихолетьи. Глядя на них, тысячи разноязыких посетителей имели возможность увидеть, что делает с культурой война, порожденная чудовищной тоталитарной идеологией. И затем, оглядевшись по сторонам, восхитившись воссозданной красотой, даже самый нетронутый историческим знанием человек смог прочувствовать, какова цена – не материальная, но духовная – Победы. Победы над варварством.

Для меня же то острое детское впечатление, застрявшее в памяти, вероятно, стало первым эмоциональным импульсом к пробуждению интереса к теме «музеи во время войны». Эта почти мазохистская тяга к погружению в официальные документы, списки разрушенных, опустошенных оккупантами музеев и потом возрожденных из пепла, мартирологи уничтоженного национального достояния и редкие свидетельства обретения то затихала на какой-то срок, то возвращалась с прежней остротой. «С войной покончили мы счеты», – строка из советской песни и 70 с лишним лет спустя после Победы отнюдь не является аксиомой. Счет продолжается: горький список российских утрат, в частности в сфере культуры, не закрыт, увы, до сих пор. Исчезновение многовекового национального духовного достояния нации равносильно потере генетической памяти. Развязав войну против нашей страны, нацисты стремились не только «освоить восточное пространство», но и лишить народ этой генетической памяти, а значит, будущего.

Я писала книги и статьи о Второй мировой войне и предвоенном времени, неизбежно «натякаясь» на следы «музейной» темы. Темы, казалось бы негромкой и непафосной. Увы, оставшейся в тени более броских сюжетов военной эпопеи. Хранители и реставраторы, экскурсоводы и технические сотрудники больших и малых музеев – все они находились на передовой невидимого фронта, фронта защиты национальной и мировой культуры. Как проходила эвакуация, каковы были официальные планы «разгрузки» музеев на случай войны и как их откорректировала реальность? Как принимали эвакуированных коллеги в тылу, куда разме-

щали прибывшие сокровища? Как проходила «консервация» тыловых музеев, чьи помещения экстренно занимались госпиталями и другими военными учреждениями? Какой была повседневность музейщиков блокадного Ленинграда, когда предметы военного быта стали восприниматься как артефакты и кто инициировал их сбор? Как определялся ущерб, нанесенный отечественной культуре, и как планировалось его возмещать? Я искала ответы на эти и многие другие вопросы – в России и странах постсоветского пространства, в Германии и Финляндии... В разрозненных архивных коллекциях, в обрывочных и зачастую противоречивых сведениях очевидцев, в музейных фондах и кинохронике... Так годами по крупицам накапливался трудный, эмоционально заряженный материал для книги, которую вы держите в руках.

Юлия Кантор

Глава I

Между правдой и мифом

Музеи на идеологическом фронте

«Гитлер совершил гнусное и вероломное нападение и обрек себя на гибель», – продиктовал Орбели сегодня [22 июня. – Ю. К.] корреспонденту “Ленинградской правды”. Оторвав взгляд от календаря, академик неожиданно произнес: “Наполеон, если не ошибаюсь, вторгся в Россию тоже в июне... двадцать четвертого июня?!”¹ – даже если этот сюжет первого дня Великой Отечественной войны, воспроизведенный в хрестоматийно известной книге «Подвиг Эрмитажа», является апокрифом, он является знаковым. Как знаковым стало и появление в первые же сутки после начала нацистской агрессии на СССР песни «Священная война», в тексте которой явственно слышится отсыл к дореволюционной патриотической риторике. Так интуитивно интеллигенция уловила главное, вокруг чего готово было консолидироваться общество – борьба за независимость Отечества, далеко не у всех ассоциирующегося с социалистическим строем. А партийно-государственное руководство, уловившее этот, единственно верный импульс, впервые за почти четверть века существования советской власти, страны решилось на идеологический «реверс».

Обрушившаяся на СССР 22 июня война в первые же дни выявила острую необходимость перестройки агитационно-пропагандистской работы. На фоне привычных идеологем, прославляющих советский строй и мобилизующих на защиту социалистического отечества, появились иные – подчеркивающие историческую связь СССР с дореволюционной Россией, с ее полководцами и бывлой ратной славой. Принято считать, что импульс этому направлению агитпропа на первых этапах Великой Отечественной дало выступление И. В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором глава государства предпринял экскурс в прошлое: «История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма»².

Однако, как свидетельствуют документы, эту тему сделали доминирующей научные сотрудники советских музеев, причем самого различного профиля – от художественных до краеведческих. В отличие от непростительно долго молчавшего Верховного главнокомандующего, обратившегося к народу лишь 3 июля 1941 г., музейщики вступили в диалог с соотечественниками-посетителями, в том числе с теми, кому предстояло уходить на фронт, немедленно, с первых же дней войны. К теме героического прошлого и его неразрывной связи с настоящим как к актуальному патриотическому стимулу первым в стране обратился ленинградский Музей Революции (ныне Государственный музей политической истории России). Работу над выставкой, посвященной ратным подвигам русского воинства, музей начал 24 июня

¹ Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа: документальная повесть. Л., Лениздат, 1985. С. 15.

² Выступление И. В. Сталина по всесоюзному радио 3 июля 1941 г. // Правда. 1941. 4 июля.

1941 г.³ «В галерее Дворца искусств (бывший Зимний дворец) музей Революции открыл в воскресенье [29 июня. – Ю. К.] новую выставку “Героика великого русского народа”. Выставка заканчивается материалами о великой отечественной войне со злейшим врагом человечества – немецким фашизмом»⁴. Музей Революции уже с конца июня целенаправленно и системно собирал материалы о Великой Отечественной – сработал опыт – недавнего, «незнаменитого» советско-финляндского конфликта. Тогда оказавшиеся фактически в прифронтовой полосе музейщики сформировали отличную коллекцию разнообразных материалов, которые сразу были отправлены в запасники, а часть – и в спецхран. (Экспозиционно востребованной она оказалась лишь во время Великой Отечественной, когда в военно-исторические выставки было разрешено включать раздел о «борьбе с белофиннами».) Эстафету от Зимнего дворца принял Музей истории религии: «В музее истории религии Академии наук СССР открылась новая экспозиция, посвященная героической эпопее русского народа – Отечественной войне 1812 года»⁵. В те же дни в Казани, в краеведческом музее открылась выставка «Героическое прошлое русского народа» и ее передвижной вариант под названием «Били и будем бить»⁶ – для обслуживания призывных пунктов вне столицы Татарской АССР. (Заметим, выставка была создана без учета регионально-национального аспекта, что вскоре было замечено и исправлено музейщиками и лекторами.)

«Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Как часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками? Почему война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных – для советских войск? Как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка?»⁷ – на все эти, отнюдь не риторические, вопросы (в речи вождя прозвучавшие именно как риторические) отвечать предстояло культурно-просветительским учреждениям, на которые с первых же дней войны были возложены агитационно-пропагандистские функции. «Наш народ вступил в Великую Отечественную войну, и в этой войне фашистская гадина будет уничтожена. “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами” (Молотов). Работа музеев обязана способствовать воспитанию людей, беспредельно преданных родине, готовых в любую минуту, по зову партии и правительства стать за дело Ленина – Сталина, совершать подвиги беспримерного мужества и героизма в борьбе с фашистскими мракобесами, а если нужно, то и отдать за родину свою жизнь»⁸ – предписывало Директивное письмо Наркомпроса от 15 июля 1941 г., первый «программный» ведомственный документ с начала войны, принятый в развитие указаний ЦК ВКП(б) и Советского правительства о перестройке всей деятельности государственных учреждений и общественных организаций на военный лад⁹.

Выполнять эту сложнейшую задачу музеям пришлось, когда социальная обстановка была весьма противоречивой: умонастроения советских граждан колебались от убежденно опти-

³ Научный архив Государственного музея политической истории России (НА ГМПРИ). Д. 110. Л. 3.

⁴ «Героика великого русского народа» // Ленинградская правда. 1941. 1 июля.

⁵ Выставка о героической эпопее русского народа // Ленинградская правда. 1941. 14 июля.

⁶ Дьяконов В. М. Воспоминания о выставках военных лет // Музейное дело в СССР: роль музеев в военно-патриотическом воспитании трудящихся. М., 1976. С. 177.

⁷ Выступление И. В. Сталина по всесоюзному радио 3 июля 1941 г.

⁸ Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР // Работа политико-просветительных учреждений в условиях военного времени: директивные и инструктивные материалы для музеев. Вып. 4. М., 1943. С. 3.

⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 17–19.

мистических до отчетливо пессимистических¹⁰, усугублявшихся под влиянием неутешительных сводок Совинформюро. И кроме того, работать в условиях полной неопределенности – решения партийно-государственного руководства об эвакуации (т. н. разгрузке), консервации, сокращении штатов или о продолжении выставочной деятельности тех или иных музеев принимались в первое полугодие войны несогласованно, без учета реальной ситуации: отсутствия у значительной части музеев планов эвакуации, транспорта и даже информации о предполагаемых конечных пунктах назначения (речь об этом пойдет подробно в главе «Фронт без флангов»)¹¹.

Итак, важнейший вектор государственной политики в гуманитарной сфере в 1941–1942 гг. был направлен на обеспечение активного включения музеев в идейно-воспитательную работу в контексте военного времени. В упоминавшемся письме Наркомпроса была представлена развернутая программа деятельности советских музеев в военных условиях, декларативно обозначались ее формы, подчеркивалась необходимость создания стационарных и передвижных выставок о ходе Великой Отечественной войны, о героической борьбе советского народа на фронте и в тылу, о героях-земляках. Документ пошагово разъяснял, какими должны быть музейные экспозиции по идеологическому содержанию. (Разумеется, текст директивного письма пестрит цитатами из выступлений И. В. Сталина разных лет, которые было рекомендовано взять как «эпиграфы» к разделам.)¹² Решению ключевой идеологической задачи – «цементированию» советского патриотизма – необходимо было подчинить и предметную наполненность экспозиций, для обеспечения которой предлагался достаточно примитивный, но удобный для быстрого воплощения шаблон. Война должна была изначально восприниматься как Отечественная, причем в отрыве от предшествовавших событий 1939–1941 гг. В документах Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и материалах Управления политпросветработы и музейно-краеведческого отдела Наркомпроса не встречается понятий «Вторая мировая война», лишь – «Вторая империалистическая». Предложенная Наркомпросом (и разработанная НИИ краеведческой и музейной работы) концепция должна была стать основой деятельности подведомственных ему учреждений в годы войны и также быть «спущенной» в музеи регионального (краевого, областного и т. д.) подчинения.

Вся массовая и научно-исследовательская работа музеев должна была быть подчинена интересам Отечественной войны с фашистскими мракобесами, задаче разгрома врага. Акцент в экскурсионной работе следовало сделать на темах: «Фашизм – злейший враг человечества», «Наше дело правое, мы победим», «Расовая “теория” фашизма» и др.¹³ Эту задачу музеям на первом этапе Великой Отечественной было крайне трудно решить: экспонатов, служивших бы «доказательной базой» этих тезисов, как и брошюр и научных статей, практически не было – СССР после подписания пакта Молотова – Риббентропа отказался от антифашистской пропаганды, заменив ее вполне дружелюбной по отношению к Третьему рейху официальной риторикой. Теперь же предстояло «с нуля» констатировать то, что еще вчера опровергалось с самых высоких трибун: античеловеческую сущность нацизма и необходимость создания антигитлеровской коалиции. Однако для того, чтобы грамотно «подступиться» к этому конгломерату остро актуальных сюжетов, Наркомпрос и высшие парторганы вынуждены были взять паузу и занять ее беспроярными темами героики прошлого.

Отсюда и первые развернутые рекомендации руководства Наркомата просвещения, которые имеет смысл процитировать подробно: *«История знает много случаев, когда иностранные*

¹⁰ См: Христофоров В. С. Общественные настроения в СССР: июнь – декабрь 1941 г. // Великая Отечественная война. 1941 год: исследования, документы, комментарии. / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2011. С. 445–479.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 74. Л. 36–37; Там же. Д. 92. Л. 16–19об.; См. также: Музейный фронт Великой Отечественной. М., 2014.

¹² Ко всем работникам музеев Наркомпроса РСФСР. С. 5.

¹³ Там же. С. 7.

интервенты пытались вторгнуться на нашу территорию, но каждый раз они с позором изгонялись из пределов нашей родины. В частности, экспозиция должна очень ярко рассказать, как в течение многих веков германские интервенты неоднократно пытались поработить русский народ и что из этого получилось. Надо наглядно показать, как под руководством Александра Невского русские войска освободили от немецких интервентов старьй русский город Псков и как храбро сражались воины России во время славного боя 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера. В 1410 г. немецкие бароны, пытавшиеся поработить русский и литовский народы, получили новый жестокий урок. 15 июля 1410 г. произошел знаменитый бой между немецкими рыцарями и соединенными войсками, состоявшими из русских, белорусов и украинцев... В 1500 г. немецкие рыцари опять пытались вторгнуться в русские земли. Несколько раз они вновь подходили к Пскову, но каждый раз терпели от русских войск поражение. В многовековой борьбе за Балтику русские храбрые войска наносили тяжельйй урон немецким рыцарям. В январе 1558 г. войска Ивана Грозного выступили против Ливонии. Под ударами московских войск германские города сдавались один за другим. Славные русские войска в 1757 г. вновь скрестили свое оружие с немцами и наголову их разбили. Считавшийся “непобедимым”, Фридрих II в 1759 г. при Куннерсдорфе был жестоко разбит, а в 1760 г. русские войска под начальством генерала Чернышева и при участии Суворова заняли Берлин.

Историческая экспозиция музея должна далее показать знаменитые походы Суворова. Особенно широко должна быть развернута экспозиция, посвященная Отечественной войне 1812 г. ...Героическая оборона Севастополя вошла в историю, как эпопея отваги, храбрости и мужества русского народа. В период войны 1914–1918 гг. немецкие войска не раз бывали биты русской армией. Рейд Брусилова в Германию и Австро-Венгрию – прекрасный показатель этого. Необходимо ярко отобразить, как в огненные годы гражданской войны германские интервенты вновь сделали попытку захватить наши земли, закабалить наш народ. Красочно показать, как вооруженный советский народ умеет отстаивать интересы своей родины. Материалы о победах Красной Армии у Халхин-Гола, у Хасана, о разгроме белофиннов, о героях современной Великой Отечественной войны дают прекрасные тому иллюстрации»¹⁴.

Нетрудно увидеть, что процитированный экскурс имел не только сугубо исторический, но и ретроспективно геополитический аспект – обозначал умение «защищать интересы Родины» от захватчиков как на своей территории, так и вне ее границ. На выставках 1941 – начала 1942 г. использовали сюжеты, отражавшие события настоящего и прошлого нашей истории, при значительном преобладании материалов последнего. И закономерно подчеркивали их преемственность.

В Москве в июле – начале августа 1941 г. в нескольких музеях были созданы небольшие экспозиции на военно-патриотические темы¹⁵. Так, в Государственном музее революции СССР (ныне Центральный государственный музей современной истории) открылась выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», где при организационном содействии городского агитпункта ЦК ВКП(б) проводились экскурсии для бойцов Московского гарнизона и Народного ополчения¹⁶.

Так, Центральный музей Красной Армии (ныне Центральный музей Вооруженных сил) в августе 1941 г. открыл выставку «Отечественная война», на которой были представлены экспонаты о борьбе новгородского войска со шведами и ливонскими рыцарями, о Грюнвальдской битве, Семилетней войне, Отечественной войне 1812 г. и Первой мировой войне. Кроме того, здесь были показаны документы и фотографии с полей сражений РККА против германских оккупантов в 1918 г. Специальный раздел рассказывал о советско-финляндской войне

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 46.

1939–1940 гг. и, разумеется, был «выдержан» в соответствии с официальной доктриной оценок как начала этого конфликта, так и его отнюдь небесспорных (в смысле победоносности для нашей страны) итогов. И только два последних ее раздела по сути соответствовали заявленной теме выставки. В них были представлены материалы об отечественных армии и флоте, трофеи, захваченные советскими войсками, а также документы, свидетельствующие о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях¹⁷.

По тому же принципу была построена объединенная экспозиция московских музеев «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», так называемая «Антифашистская выставка», развернутая в залах Государственного Исторического музея (ГИМа) в соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР от 9 августа 1941 г.¹⁸ В ее создании принимали участие 6 музеев: Государственный Исторический музей, Государственный музей революции СССР, Музей народов СССР, Государственные Литературный, Биологический и Политехнический музеи, а также сотрудники НИИ краеведческой и музейной работы¹⁹. Открыть ее предполагалось 25 августа 1941 г., но из-за критической ситуации на фронте – войска вермахта в августе неудержимо рвались к столице СССР – работа над ней была на некоторое время приостановлена. Хотя и с месячным опозданием, но выставка все же открылась. Она включала в себя 10 разделов, из которых только четыре относились непосредственно к ее теме: «Социалистическое Отечество в опасности»; «Фашизм – злейший враг человечества», «Героическая борьба советского народа с германским фашизмом», «Героическая работа тыла страны»²⁰. Но все они были «вплетены» в исторический контекст. По теме Великой Отечественной войны экспонировались отдельные материалы, рассказывавшие о героизме советских воинов в борьбе с врагом (был включен даже небольшой раздел, повествующий о первых этапах боев на московском направлении), но не дававшие в целом представления о ходе войны, поскольку ход этот пока не внушал оптимизма и мог создать ненужные «пессимистические впечатления»²¹. При объективно существовавших трудностях показа начального периода войны, когда РККА под натиском вермахта отступала по всему фронту, существовал вполне понятный запрет (во избежание возникновения «паникерских настроений») на использование карт общего хода боевых действий. Принципиально важно отметить, что на этой выставке появились стенды, раскрывающие анатомию гитлеризма – «Лицо германского фашизма», «Фашизм – враг науки и культуры», «Разоблачение расистской теории фашизма», «Ограбление оккупированных стран», «Уничтожение национальной самостоятельности и целостности народов и государств»²². Также, в соответствии с установками Наркомпроса, на экспозиции были и международные разделы: «Захватнические войны германского фашизма на территории Западной Европы», «Борьба народных масс против фашизма в оккупированных странах и в самой Германии», «Движение солидарности народных масс Англии, США и других стран с СССР», стенды, содержание которых до 22 июня 1941-го показалось бы «контрреволюционным» – посвященные Соглашениям СССР с Англией, Польшей и Чехословакией, установлению дружеских отношений между СССР и США²³.

¹⁷ Фатигарова Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музеи и власть: государственная политика в области музейного дела. XVIII–XX вв.: сб. научн. тр. / НИИ культуры. М., 1991. С. 194.

¹⁸ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 45.

¹⁹ Там же.

²⁰ Левыкин К. Г. Перестройка работы исторических и историко-краеведческих музеев в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 150.

²¹ Лупало И. Г. Вклад музеев исторического профиля в мобилизацию духовных сил советского народа на разгром врага в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Музейное дело в СССР: сб. науч. тр. М., 1985. С. 130.

²² ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2692. Л. 49.

²³ Там же. Л. 50.

Подобные выставки открывались в столице и в других городах РСФСР. Так, сотрудниками Историко-краеведческого музея Бурят-Монгольской АССР в первые месяцы войны была подготовлена и открыта в помещении Антирелигиозного музея временная экспозиция «Оборона нашей Родины», также показывавшая героическое прошлое нашего народа, его борьбу с иноземными захватчиками – от Ледового побоища до войны с фашистской Германией²⁴. По данным выборочного обследования, проведенного НИИ краеведческой и музейной работы в 1942 г., выставки были организованы в 70 % музеев²⁵ – разумеется, в этот обзор вошли только не подвергшиеся консервации и не находившиеся на оккупированной территории. Таким образом, музеи одними из первых среди учреждений культурно-просветительского профиля почувствовали изменения политических векторов и оказались на передовой их внедрения в массовое сознание: посетителями «Антифашистской выставки» и ей подобных, возникавших вслед за ней в течение полугодия в разных регионах от Сталинграда до Владивостока, были уходившие на фронт военнослужащие, члены народного ополчения, школьники, комсомольский актив.

19 октября, когда Москва была на осадном положении, Государственный исторический музей представил план выставки «Оборона Москвы в 1941 г.». Уже через месяц готовившаяся выставка по понятным причинам была торжественно переименована: она получила название «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве»²⁶. Основной интерес и значение этой выставки, констатировали в Наркомпросе, в том, что она «основана на тщательном изучении великой битвы за Москву осенью – зимой 1941 г. и содержит в себе богатый познавательный материал по этому вопросу, который при том так подан, что может являться хорошим пособием для самостоятельного изучения»²⁷. Выставка открывалась поэтапно – по мере развития событий и была полностью открыта уже в январе 1942 г. Готовя ее, коллектив ГИМа приступил к сбору и комплектованию коллекции по истории Великой Отечественной войны. Сотрудники музея выезжали для сбора материалов в прифронтовые и только что освобожденные от оккупантов районы, в действующие воинские соединения. На выставке были детально представлены этапы битвы за Москву, отдельные ее боевые операции, проиллюстрированы действия частей и соединений, показаны мемориально-биографические комплексы, посвященные героям битвы. Экспонаты выставки составили хрестоматийную основу будущего фонда по истории Великой Отечественной войны²⁸. Не обошлось, разумеется, без обязательного обрамления: «Центральным кадром всей экспозиции дано выступление товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., мобилизовавшее все силы страны и Красной Армии на решительный отпор врагу и явившееся прологом к разгрому немцев под Москвой»²⁹.

А в Ленинграде, в Соборе Петропавловской крепости (тогда бывшей филиалом Музея Революции), была отреставрирована могила Петра I и организована выставка, посвященная его полководческой деятельности. На ней были представлены штандарты петровских времен, гравюры, репродукции о строительстве Санкт-Петербурга, траурные знамена и др.³⁰ На нее из призывных пунктов приводили новобранцев, уходивших на фронт.

Изменение характера музейных выставок было связано не только с некоторым улучшением для советских войск положения на фронте, с прекращением повсеместного отступления и первой внушительной победой, но и успешным сбором материалов в ходе войны

²⁴ Найдакова Г. Музеи Бурятии в период войны // Сибирь в Великой Отечественной войне: тезисы Всес. научн. конф. Новосибирск, 5–6 марта 1985 г. / АН СССР. Сиб. отд.; Ин-т ист., филологии и философии. Новосибирск, 1985. С. 276.

²⁵ Фатигарова Н. В. Указ. соч. С. 194–195.

²⁶ Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 136.

²⁷ О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы по тематике Великой Отечественной войны / НИИ краевед. и музейной работы. М., 1943. С. 6.

²⁸ Левыкин К. Г. Указ. соч. С. 150.

²⁹ О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы...

³⁰ НА ГМПИР. Д. 116. Л. 64.

(которым музеи Москвы, Ленинграда и других регионов, включая глубокий тыл, начали заниматься задолго до появления соответствующих партийно-государственных директив). Это позволило Государственному музею революции СССР в начале 1942 г. открыть две стационарные выставки – «Героический путь Красной Армии (1918–1942 гг.)» и «Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков»³¹. На них было представлено множество материалов с передовой линии фронта (фотографии, армейская печать, документы об обороне Москвы, о боях за Калинин, Истру, Тулу и др.), о мужестве партизан, самоотверженном труде в советском тылу³².

В 1942 г. силами музейщиков осажденного города, поддержанных в своей инициативе командованием Ленинградского фронта, в Доме Красной Армии им. С. М. Кирова была организована огромная выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», где экспонировались не только советские пропагандистские материалы, но и большое количество трофейного оружия, а также документы (карты, схемы и т. д.) и обмундирование, захваченные у противника³³. Выставки трофейного оружия в 1942–1943 гг. стали одним из самых популярных и эффективных методов наглядной агитации и пропаганды благодаря сильнейшему эмоциональному воздействию на зрителя. Инициатором систематического и профессионального коллекционирования трофейного оружия для музеев стал директор Исторического музея Артиллерии (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) полковник Я. Ф. Куске. В декабре 1941 г. Куске, вместе с музеем эвакуированный из Ленинграда в Новосибирск, отправил в Главное артиллерийское управление (ГАУ) Наркомата обороны соответствующую служебную записку и разработанную им же «Инструкцию по сбору реликвий и трофеев»³⁴. Она стала первым научно-практическим пособием в этой сфере для музейщиков РСФСР. Инициативу Куске нашли заслуживающей внимания, и 23 марта 1943 г. был издан соответствующий приказ Народного комиссара обороны, согласно которому частям и соединениям РККА вменялось в обязанность «организовать сбор и учет наиболее ценных реликвий и памятников войны»³⁵. Следует заметить, что этот музей в 1943 г. стал инициатором и учреждения нового праздника – Дня артиллерии. В рапорте в ГАУ с предложением установить праздник Куске называл как дату день полного разгрома вермахта под Сталинградом – 2 февраля. Однако правительство решило День артиллерии приурочить к началу Сталинградского наступления – 19 ноября³⁶.

Артиллерийский Исторический музей уже в первый год войны подготовил передвижную выставку трофеев, которая в специальном вагоне курсировала по Кузбассу, Западной Сибири и Казахстану. Его работники, помимо сугубо музейной работы, оказывали большую помощь местному военному командованию в подготовке резервов для фронта: регулярно выезжали с комплектами трофейного оружия в части Сибирского военного округа, где проводили специальные консультации, помогая бойцам изучать вражескую технику³⁷.

Выставки трофеев с успехом шли по всей стране вплоть до Победы, вызывая искреннюю позитивную реакцию посетителей. Причем именно показ трофейного оружия был способен в равной мере заинтересовать и уходящих на фронт военных, и самых маленьких экскурсантов. Потому такие выставки были составляющими даже детских праздников. Так, в Свердловском

³¹ Вечерняя Москва: газета. 1942. 1 августа.

³² Лупало И. Г. Указ. соч. С. 126.

³³ Павлова С. Д. В героические дни обороны Ленинграда. (О работе Ленинградского государственного Музея Революции) // Работа музеев РСФСР в условиях военного времени. М., 1943. С. 74.

³⁴ Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (НА ВИМАИВиВС). Ф. 3р. Оп. 1. Д. 71. Л. 18.

³⁵ Там же. Л. 20.

³⁶ Там же. Д. 84. Л. 1.

³⁷ Фатигарова Н. В. Указ. соч. С. 195–196.

ТЮЗе в 1942 г. состоялась елка для детей дошкольного возраста, на которой из всех видов развлечений самым желанным оказалась возможность ползать по лафетам вражеских пушек, потрогать гильзы от снарядов, подержать «шмайсеры», примерить шлем летчика люфтваффе и т. д. Газета «Уральский рабочий» тогда написала о наиболее ярких детских впечатлениях. Вот, пожалуй, самое искреннее и трогательное из них – письмо 8-летнего свердловчанина Деду Морозу: «Дед Мороз, у меня папа на фронте уже седьмой месяц. Я пишу папе про тебя и твою елку, она мне очень понравилась. Дед мороз, иди на фронт и морозь всех немецких гадов, которые убивают мирных жителей»³⁸.

Важным шагом научно-практического освоения темы музеефикации событий войны стало «Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны», разработанное по поручению Наркомпроса РСФСР профессором Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы Н. М. Коробковым и разосланное по подведомственным Наркомпросу учреждениям в конце 1942 г. В нем была изложена программа комплектования материалов по современности, давались профессиональные методические рекомендации по организации собирательской работы, а также по вопросам хранения и использования собранных коллекций. Исходя из особенностей времени, Коробков в качестве основной задачи этого комплектования рассматривал формирование источниковой базы для создания выставок и экспозиций, посвященных войне³⁹. Характеризуя комплексы собираемых музеями артефактов, автор «Руководства...» оговаривал необходимость акцентировать внимание на вещевых и изобразительных материалах, обходя различные письменные источники – как относящиеся к сфере интересов Главного архивного управления НКВД СССР. Такая «оговорка» неслучайна: она является эхом острой межведомственной дискуссии. Дело в том, что 18 июня 1942 г. Наркомпрос РСФСР издал инструкцию «О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны», которая в числе многих других объектов предписывала музейщикам собирать листовки, объявления, письма, приказы и распоряжения гражданских и военных органов управления⁴⁰. Это, как свидетельствуют архивные документы, вызвало неудовольствие заместителя Наркома Внутренних Дел СССР С. Н. Круглова. Недовольствие это вылилось в письмо, адресованное наркому просвещения В. П. Потемкину. Круглов требовал отмены инструкции «подчеркивая исключительное право Главного архивного управления на сбор документальных материалов»⁴¹. Наличия в Инструкции указания на необходимость согласовывать сбор печатных источников с местными органами Наркомата внутренних дел Круглову оказалось недостаточно. И Потемкин предпочел искать защиту в ЦК ВКП(б). Судя по тону письма, с которым он обращается к главе Управления агитации и пропаганды Г. Ф. Александрову, ситуация была напряженной. «Главному архивному управлению НКВД предоставлено право сбора и учета документального материала, в том числе и право изъятия отдельных документов из музеев, однако нет запрещения Народному комиссариату просвещения и его учреждениям, в частности, музеям, собирать материалы, необходимые для их нормальной пропагандистской и научной работы... Считаю что музеями системы Наркомпроса РСФСР проводится большая и очень важная по своему значению работа по сбору, экспонированию и сохранению материалов о нашей исторической эпохе работа, которую надо поощрять и поставить еще шире, а не свертывать»⁴². Инцидент в результате «замяли», и сбор документальных экспонатов продолжился.

³⁸ Уральский рабочий: газета. 1942. 4 января.

³⁹ Коробков Н. М. Руководство к собиранию материалов по истории Великой Отечественной войны (для музеев и краеведческих организаций). М., 1942. С. 9–11.

⁴⁰ Маневский А. Д. Основные вопросы музейно-краеведческого дела. М., 1943. С. 12–19.

⁴¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 91. Л. 25.

⁴² Там же. Л. 26.

В этот период тематика выставок музеев менялась в сторону их актуализации. Так, экспозиция «Разгром немецких оккупантов под Москвой» была создана в Центральном музее Красной Армии к 24-й годовщине РККА – в феврале 1942 г. На ней экспонировались документы, плакаты, лозунги, листовки, зарисовки фронтовых художников, уникальные фотографии, богатейшие трофеи: военное снаряжение противника и его оружие, карты, бинокли и т. д. Она была своеобразным учебным пособием: для посещавших ее бойцов и командиров коллектив музея организовывал специальные консультации с демонстрацией приемов владения трофейным оружием и его устройства. По мере развития событий на фронтах войны эта выставка оперативно пополнялась новыми материалами и в конце 1943 г. уже имела три дополнительных раздела: «Разгром немцев под Сталинградом», «Провал летнего наступления немцев в 1943 г. и победоносное наступление Красной Армии», «Укрепление антигитлеровской коалиции». К этому времени Центральный музей Красной Армии начал готовиться к перестройке всей экспозиции и созданию нового ее отдела, посвященного боевым действиям частей Красной Армии и Военно-Морского Флота на фронтах Великой Отечественной войны⁴³.

В блокадном Ленинграде художественно-документальная рефлексия на актуальные военные события развивалась в 1942–1943 гг. в несколько ином направлении: здесь, несмотря на чудовищные тяготы первой блокадной зимы, открывались художественные выставки, участники которых «фиксировали» не только картины города, но и выезжали на линию фронта (проходившую вдоль городской черты) и в партизанские отряды для создания «репортажных» по жанру зарисовок. «Минус десять градусов в выставочном зале. Минус семь в мастерских. Освещение – копилки. Питание – паек зимы 1941–1942 гг. [в этот период в Ленинграде норма выдачи хлеба была снижена до 125 г в сутки, и смертность достигала 3 тыс. человек в день⁴⁴. – Ю. К.] Лютая зима, обстрелы, бомбежки. В подоконник мастерской ударяются осколки... но работа кипит, как никогда. Союз художников – боевой штаб, – сообщал журнал “Ленинград” о выставке. – Днем и ночью здесь оживление. Ленинградские художники делают плакаты, лубки, открытки, эскизы для будущих картин, запечатлевая героизм, непоколебимость, несокрушимость ленинградцев в борьбе с ненавистным врагом, воодушевляя своими творениями на борьбу и победу, разя врага сильнейшим оружием, – оружием художника... Фронт был рядом, свистели снаряды, убивая людей... Но выставка была открыта. И чего не ожидали сами художники – выставку посетили восемьсот человек!»⁴⁵

В марте первая выставка ленинградских художников обновилась и пополнилась новыми работами, созданными на передовой и присланными в блокадный город. Обновленная выставка собрала в течение месяца шестьсот посетителей – для изможденного города количество огромное. С одобрения Горкома партии и Политуправления Ленфронта 12 июня 1942 г. открылась экспозиция, на которой было представлено более двухсот работ. Среди них ставшие впоследствии хрестоматийно известными – полотно Серова “Враг над городом”, картины Рутковского “Наши летят”, “Десант”, “Проводы партизан”, Пакулина “Ленинград в дни блокады”, “Эрмитаж”, работы Павлова, привезенные им с Ладоги, графика Пахомова и Белухи, ленинградские пейзажи Мочалова, “Эвакуация” Раевской и скульптура Пинчука, Боголюбова, Исаевой⁴⁶. К этой выставке были предъявлены более жесткие идеологические требования, нежели к первым двум: показа героизма, несокрушимого сопротивления и веры в победу, нежелательности «смакования бытовых трудностей» – ленинградским властям нужна была «парадная версия» событий, востребованная «политическим моментом» и законами пропаганды. Произведения, посвященные трагическим сторонам блокадной повседневности, на экспозицию не

⁴³ Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. II. М., «Советская Россия», 1961. С. 209.

⁴⁴ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 241.

⁴⁵ Алатырцев М. Ленинградские художники в дни блокады // Ленинград. 1942. № 1. С. 21.

⁴⁶ Там же. С. 22.

попали (но, к счастью, сохранились в фондах городских музеев) – поскольку это был своего рода «отборочный тур» для экспонирования в Москве, на выставке в ГИМе, где не должно было даже частично вскрыться истинное положение дел в Ленинграде. Побывавшая тогда в Москве О. Берггольц испытала шок: «О Ленинграде все скрывалось, о нем не знали правды так же, как о ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нем, как когда-то говорила о тюрьме, – неудержимо, с тупым, посторонним удивлением... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях “героев” фильма “Светлый путь”. Для слова – правдивого слова о Ленинграде – еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще?»⁴⁷

Забегая вперед, необходимо отметить, что тенденция цензурирования творческого отображения действительности, в том числе в музейной сфере, как ни покажется парадоксальным, нарастала пропорционально успехам на фронте. И наиболее ярким (но отнюдь не исключительным) примером в этом отношении служит печальная история открывшейся в Сталинградском драмтеатре (одном из немногих сохранившихся в городе зданий) в марте 1945 г. выставки сталинградских художников. На ней были представлены 38 живописных произведений пяти авторов, и хотя эти картины были выполнены в разных жанрах (пейзажи, панорамные зарисовки, портреты участников битвы), их объединяло одно – все они являлись отражением образа восстанавливающегося из руин города⁴⁸. Вызвавшая огромный интерес сталинградцев, выставка подверглась разгромной критике партийных органов и была свернута (к счастью, значительная часть представленных на ней произведений сохранилась и ныне находится в музее-панораме «Сталинградская битва»). Художников обвинили в «воспевании руин», «смаковании разрухи... без ощущения перспективы (не пространственной, а временной)», отсутствии в картинах военной тематики «ощущения Победы»⁴⁹. Причину «посредственности» многих выставленных работ партийные критики видели в отсутствии у художников способности «четко и верно сформулировать тему своего произведения, определить его идею», что в свою очередь шло «от недостаточной политической подготовки, отсутствия у них знаний основ марксизма-ленинизма»⁵⁰.

Весной 1942 г. открылась выставка работ ленинградских архитекторов, имевшая отчетливый героико-мемориализационный акцент. На ней были представлены плакаты, выполненные зодчими, когда встала задача провести боевую агитацию путем показа великолепных памятников города, которому продолжает угрожать враг. Здесь органично смотрелась и сюжетная переключка с дореволюционным прошлым. «Плакат архитектора А. Барутчева “Будем достойны великих предков, чьи славные деяния увековечены в памятниках Ленинграда”, – изображающий памятник великому русскому полководцу Кутузову на фоне одного из лучших произведений русского зодчества – Казанского собора, очень выразителен и по своим художественным качествам один из лучших на выставке. Интересна серия плакатов архитекторов А. Грушко, К. Игнатова Д. Шпрайзера, которые удачно использовали в своих работах известные всему миру замечательные памятники нашего города. Несмотря на все трудности, в нашем замечательном городе продолжается творческая жизнь всех видов искусства, вдохновляющая русского человека на новые подвиги во имя Родины»⁵¹. Знаковой приметой той выставки стало и наличие на ней эскизов реставрационных проектов разрушенных исторических зданий, к реализации которых участники призывали приступить не дожидаясь окончания войны (что

⁴⁷ Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник: стихи, проза, дневники, архивные материалы. СПб., 2010. С. 64.

⁴⁸ Галкова О. В., Савицкая О. Н., Саркулова В. П. Выставка Сталинградских художников 15 марта 1945 г.: к проблеме сохранения художественного культурного наследия // Сталинградская битва: историческая память и художественное наследие: К 70-летию разгрома фашистских войск под Сталинградом: всероссийская науч. – практ. конф. Волгоград, 13–14 ноября 2013 г. / Отв. ред. Е. В. Огаркова. М., 2013. С. 208.

⁴⁹ Линдин С. На выставке картин Сталинградских художников // Сталинградская правда. 1945. № 69(5015). 11 апреля. С. 2.

⁵⁰ Галкова О. В., Савицкая О. Н., Саркулова В. П. Указ. соч. С. 209.

⁵¹ Гинзберг А. Выставка работ ленинградских архитекторов за 1941–1942 гг. // Ленинград. 1942. № 2. С. 10.

справедливо рассматривалось как акт гуманистического сопротивления и было воплощено – первые восстановительные работы в Ленинграде начались в 1943 г., сразу после прорыва блокады). Предполагалось, что на восстановленных зданиях как акт фиксации военной памяти появятся и соответствующие мемориальные (памятные) доски – «Восстановлено в 1943 г.». Отметим, что в это же время (1942–1943 гг.) группа художников и реставраторов Государственного Эрмитажа по распоряжению его директора академика И. А. Орбели создала серию рисунков, воспроизводящих картины музейной повседневности, видов зданий и залов музея, а также панорам архитектурных ансамблей исторического центра, изуродованных бомбежками и артобстрелами. Эта коллекция, ныне хранящаяся в фондах Эрмитажа, не предназначалась для выставок, но была призвана сохранить «визуальную память».

Боевые традиции в их преемственности с актуальными событиями пропагандировали первые военные выставки краеведческих музеев Свердловска, Перми, Саратова, Горького, Томска, Барнаула и др. Они были построены, преимущественно на местном материале. Характерна в этом отношении экспозиция об истории Красной Армии в Дагестанском краеведческом музее, демонстрировавшаяся в первом полугодии 1942 г. Она состояла из разделов: «Основоположники и организаторы Красной Армии», «Государственный Комитет Оборона», «Главнокомандующие войсками», «Боевые эпизоды Красной Армии», «Отомстим за кровь наших детей», «Они не будут сиротами»⁵². В Шуйском музее им. М. В. Фрунзе большая «глава» была посвящена теме «Герои Советского Союза»⁵³. В Калининском областном музее на выставке «Великая Отечественная война», открывшейся весной 1942 г., был создан раздел «Грабеж Европы», в котором экспонировались консервные банки из Норвегии и Дании, бутылки из-под французского и венгерского вина, папиросные коробки из Алжира, Марокко и т. д.⁵⁴ Примечательно, что она стала первой экспозицией в освобожденном от оккупантов городе.

В Куйбышеве, в помещении драматического театра, в 1942 г. появилась экспозиция из эвакуированного из Ленинграда Центрального музея Военно-Морского Флота СССР, которая познакомила посетителей с моделями действующих кораблей – линкора «Октябрьская революция» и крейсера «Киров». На ней были представлены документы и личные вещи участников войны: обожженные пороховым огнем комсомольские билеты защитников Севастополя; книга Л. Фейхтвангера, принадлежавшая Герою Советского Союза краснофлотцу И. Г. Голубцу, погибшему 25 марта 1942 г.; матросская ленточка с английского крейсера «Кент» и ветромер – подарки английских моряков советскому морскому летчику Б. Ф. Сафонову. Кроме того, на этой выставке также экспонировались трофеи, захваченные моряками в боях⁵⁵.

В 1942 г. среди обязательных к исполнению в выставочной деятельности музеев указаний Наркомпроса появилось директивное письмо «Об использовании сводок Советского Информационного бюро в выставочно-экспозиционной работе». Документ предписывал вывешивать последние, «сегодняшние», сообщения Советского Информбюро. «Для этих сводок должно быть отведено определенное и обязательно видное место, и они должны даваться крупным, броским планом, чтобы ни один посетитель не прошел бы мимо этих публикаций, не обратив на них внимания. Необходимо вводить сообщения “В последний час” в соответствующие тематические разделы и монтажи выставки, посвященные крупным успехам Красной Армии, как центральные кадры, как ведущие тексты»⁵⁶. Очевидно, что это указание носило декларативный характер, весьма далекий от выставочной практики: даже в условиях необходимости мак-

⁵² Лупало И. Г. Указ. соч. С. 125.

⁵³ Комарова М. Ф. О работе музеев в дни Великой Отечественной войны: информ. письмо № 2 // НИИ краевед. и музейной работы / Наркомпрос РСФСР. М., 1943. С. 4.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Фатигарова Н. В. Указ. соч. С. 196.

⁵⁶ Серебренников Г. Н. Об использовании сводок Советского Информационного бюро в выставочно-экспозиционной работе // НИИ краевед. и музейной работы / Наркомпрос РСФСР. М., 1942. С. 3.

симальной актуализации «отражаемых» событий, предъявляемых военным временем, новости Информбюро не могли органично вписываться в ткань экспозиций, охватывающих относительно большие по времени и сюжетам периоды. Однако подобное указание имело «задачу не только всячески способствовать ознакомлению широких масс с последней сводкой Советского Информбюро», но и практическую идеологическую цель – на основе сводок, являющихся единственным официально разрешенным источником новостей обо всех важнейших событиях военной поры, создать унифицированное информационное пространство, лишенное лакун⁵⁷. Неслучайно, в развитие этой инициативы Наркомпроса, в бюллетене «Спутник агитатора» появился специальный раздел с конкретными и, увы, несколько наивными «рецептами» включения сводок в выставочный контекст: «Рядом дают краткие справки о городах или о странах, о которых есть упоминание в этих сводках: о территории, населении, столицах, основных чертах хозяйства отдельных государств, о прошлом и настоящем городов, освобожденных от немецкой оккупации и т. д. Сочетание общих итогов с конкретным вещевым экспонатом производит очень сильное впечатление. Посетитель выставки, видя перед собой воочию один трофейный танк, мысленно представляет себе, прочтя сообщение Совинформбюро, тысячи таких же танков, захваченных у немцев»⁵⁸.

1943 г. – год «коренного перелома» в Великой Отечественной войне, и Наркомпрос опубликовал серию документов как рекомендательного, так и подытоживающего характера. Наиболее важные из них: «Основные вопросы музейно-краеведческого дела: пособие для работников музеев», «О работе музеев в дни Великой Отечественной войны», «Музейно-краеведческое дело» и ключевая работа «О дальнейшем развитии музейно-экспозиционной работы по тематике Великой Отечественной войны». В тот же период Наркомпрос в тандеме с Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) провел в Москве несколько совещаний и конференций с музейщиками освобожденных и тыловых регионов РСФСР, посвященных как реставрационно-восстановительной работе, так и актуальным экспозиционным задачам. Впервые не только высказана, но и официально одобрена идея создания в краеведческих, историко-революционных музеях постоянно действующих разделов (экспозиций), посвященных Великой Отечественной, в которых наряду с местным материалом предписывалось показывать общий ход войны⁵⁹. Вслед московским установкам прошла серия совещаний на периферии, где разрабатывались концепции подобных экспозиций. Для тыловых регионов таким «мозговым центром» стал старейший музей Сибири – Красноярский краевой краеведческий музей, собравший на тематическую конференцию коллег из Зауралья⁶⁰. Сформированная по итогам совещаний схема отдела «Великая Отечественная война Советского Союза против гитлеровской Германии» стала базовой для региональных музеев. Она состояла из пяти разделов: «Период подготовка и проведение Великой Октябрьской Социалистической Революции под руководством В. И. Ленина и И. В. Сталина – 1917 г.», «Военная интервенция и гражданская война. Роль В. И. Ленина и И. В. Сталина. 1918–1920 гг.», «Основные этапы мирного социалистического строительства», «Наша страна и край – под знаменем Сталинской Конституции», «Великая Отечественная война и участие в ней Красноярского Края» (ключевым в этом, самом обширном разделе предлагалось сделать стенд «И. В. Сталин – великий полководец, организатор и вдохновитель наших побед»), каждый из которых имел дробную структуру и охватывал различные стороны военной жизни⁶¹.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Спутник агитатора: журнал. 1942. № 7–8. С. 32–33.

⁵⁹ Маневский А. Д. Указ. соч. С. 12.

⁶⁰ Научный архив Красноярского Краевого краеведческого музея (НА КККМ). Ф. 1899. Оп. 1. Д. 656. ЛЛ. 13–20.

⁶¹ Там же. Л. 13.

После прорыва блокады в Ленинграде по инициативе Политуправления Ленфронта состоялась выставка художников-фронтовиков, приславших свои произведения с передовой. «Искусство мобилизовано, поставлено на вооружение Действующей Красной Армии»⁶². В каталоге этой выставки впервые была высказана мысль о создании музея обороны Ленинграда. Помимо уверенности в необходимости увековечить подвиг ленинградцев и тех, кто их защищал, отчетливо звучал отсыл к героическому прошлому, понятный каждому горожанину: военная галерея появилась в Зимнем дворце после победоносного окончания Отечественной войны 1812 г.

В 1943 г. посетители увидели и выставку «Оборона Царицына и разгром немецко-фашистских войск у Сталинграда», созданную Государственным музеем революции СССР на основе материалов, только что привезенных его сотрудниками с мест боев у Волги. Затем была выставка «Три года Великой Отечественной войны». Она – самая большая по занимаемой площади (11 залов) – детально освещала события войны, успехи советских людей на фронте и в тылу⁶³. В мае 1943 г. Смоленский облисполком и обком приняли решение о создании экспозиции музея «Смоленщина в Великой Отечественной войне», параллельно с восстановлением музеев города, разрушенных в период оккупации⁶⁴. Государственный музей Татарской АССР организовал в Казани большую выставку «Великая Отечественная война», в 1944 г. ставшую базой для создания самостоятельного отдела музея⁶⁵, а Омский краеведческий в тот же период открыл выставку «Битва за нашу Советскую Родину»⁶⁶. Музеи подготовили немало экспозиций о тружениках тыла. Наиболее значительными из них были: «Трудящиеся Ивановской области в дни Отечественной войны» (Ивановский краеведческий музей), «Тыл подпирал фронт» (Новосибирский краеведческий музей), «Урал – фронту» (Свердловский краеведческий музей), «Советский тыл – тоже фронт» (Пермский краеведческий музей), «Средний Урал – фронту» (Свердловский краеведческий музей), «Тыл – фронту» (Краеведческий музей в Нижнем Тагиле)⁶⁷. Как видно даже из этого беглого обзора, география актуальных выставок была всеохватной, а их тематика соответствовала указаниям партийно-государственного руководства. Невозможно судить, «отвечало» ли музейное освещение военной проблематики на социальный запрос: не существует каких-либо свидетельств «обратной связи» – тем более, что в военное время значительная часть посетителей в музеи ходила «в обязательном порядке» – в составе сформированных на предприятиях и в организациях групп, и по этой причине даже Книги отзывов являются минимально репрезентативными (их нередко заполняли активисты или организаторы посещений). Но при общей скудости и безальтернативности информационного поля именно музеи с их комплексным воздействием на публику, безусловно, являлись лидерами в формировании представлений о ходе войны и унификации восприятия ее событий на всем пространстве РСФСР.

Характерно, что ни в одном из изученных директивных документов, инструкций, информационных брошюр или стенограмм совещаний, проведенных под эгидой Наркомпроса в 1943–1944 гг., нет тем, которые с освобождением от оккупации значительной части территории РСФСР должны были приобрести колоссальное значение: судьба советских военнопленных и коллаборационизм советских граждан. Увы, эти драматические сюжеты так и остались «фигурой умолчания» не только во время войны, но и многие десятилетия после нее. Не менее

⁶² Бродянский Б. Художник на фронте // Первая выставка художников-фронтовиков: каталог / Политическое управление Ленинградского фронта. Л., 1943. С. 3.

⁶³ Лупало И. Г. Указ. соч. С. 131.

⁶⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 302. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Л. 119.

⁶⁶ Лупало И. Г. Указ. соч. С. 132.

⁶⁷ Музейное дело в СССР. М., 1976. С. 8.

примечательным является тот факт, что «белым пятном» в музейном освещении войны осталось и открытие Второго фронта.

Принципиально важно, что к 1943 г. государством была осознана не только необходимость сохранения материалов о Великой Отечественной, но и их изучения. Эти задачи обозначены в документах указанного периода как «священная обязанность»⁶⁸. Существенной была и установка о выявлении и принятии на государственную охрану «памятных зданий и памятных мест, связанных с освободительной войной советского народа и ее героями». Уделялось внимание и устной истории: «Музей должен организовать систематическую запись рассказов земляков-очевидцев и участников исторических событий»⁶⁹. (Публикация и экспонирование последних разрешались только после утверждения местными парторганами и впоследствии в значительной степени выродились в «заавторство» – когда участнику событий предлагалось озвучивать уже подготовленный текст.)

«На музейных работниках лежит почетная задача изучения всего этого материала и составления летописи событий в своей местности в дни Великой Отечественной войны»⁷⁰. Заметим, что это понимание на высшем уровне де-факто шло вдогонку деятельности музеев, осознавших свою миссию (о чем, в частности, свидетельствуют приведенные в начале данной главы примеры) с первых часов и дней войны. Однако государственные установки, сформулированные к этому времени, в значительной мере сужали поле собирательской, научной и экспозиционной деятельности музеев. Им предписывалось «воссоздать картины патриотического подъема в стране и данном крае, военных действий и жизни фронта, партизанского движения, подвигов героев Советского Союза, героики тыла, всеобуча, МПВХО, донорства, патронирования сирот, славных дел юных тимуровцев... отражать участие данного края в обороне страны, в выполнении приказов т. Сталина, собирать также материалы, рисующие звериный облик врага, его гнусные преступления, разложение, разгром гитлеровских оккупантов»⁷¹. Как видим, акцент сделан исключительно на пропаганде позитивных, успешных аспектов хода войны и схематично «прорисованных» чертах противника. Именно с этого времени окончательно уходят в тень, а точнее в запасники (а порой и уничтожаются), собранные музейщиками экспонаты и документальные материалы, связанные с первым, трагическим этапом Великой Отечественной, ибо резюмирующей стала идеологема, сформулированная Управлением политпросветработы Наркомпроса: «Надо немедленно приступить к созданию новых экспонатов, *отражающих героизм фронта и тыла* [курсив мой. – Ю. К.]. Делом чести каждого музея является построение постоянной экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне»⁷². Абсолютно те же по интонации дефиниции содержатся в справке, разработанной руководством Бюро по охране памятников Наркомпроса: «Отечественная война оставила и оставляет нам большое количество памятников о подвигах советского народа на фронте и в тылу. И задачей музеев и музейных работников является выявить эти памятники, оформить их и привести в такое состояние, чтобы они полным голосом говорили о *героических страницах* [курсив мой. – Ю. К.] в жизни русского народа»⁷³. Так уже во время войны был задан алгоритм «стирания» из памяти всей многогранной истории Великой Отечественной войны, включавшей не только героические, но и трагические страницы.

По решению Военного Совета Ленинградского фронта и Ленинградского горкома ВКП(б) в 1943 г., после прорыва блокады началась работа по увековечению обороны города, до

⁶⁸ Маневский А. Д. Указ. соч. С. 11.

⁶⁹ Там же. С. 12.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 11.

⁷² Там же. С. 12.

⁷³ Комарова М. Ф. Указ. соч. С. 19.

финала которой оставался еще год. На основе открытой в 1942 г. экспозиции «Великая Отечественная война советского народа»⁷⁴ создавалась новая выставка. В ее подготовке принимали участие сотрудники музеев, остававшиеся в городе, а также специалисты, отозванные с фронта. Она имела огромный успех не только в Ленинграде, но стала знаменательным событием в масштабе всей страны⁷⁵. Практически сразу после ее открытия стало очевидно, что по качеству и количеству представленного материала, выставка нуждалась в трансформации в полноценный музей. «Выставка “Героическая оборона Ленинграда” создавалась по свежим следам событий, можно сказать единым дыханием, на высоком душевном подъеме. Она включала подлинные документы, живые материалы, трофеи, значение которых было огромно в те дни... Она... объединила в себе точность исторической достоверности с сильнейшим эмоциональным воздействием. Кто видел ее – никогда не забудет»⁷⁶. Ленинградские Горком и Горисполком в марте 1944 г. разрабатывают документы о преобразовании выставки в музей «Героическая оборона Ленинграда». (Тогда же у музейщиков, создававших выставку, возникла идея сохранить как памятники ДОУты в черте города.) Первым директором уникального музея, разместившегося в 18 огромных залах старинного здания в Соляном городке, стал научный сотрудник Государственного Эрмитажа, один из крупнейших в РСФСР специалистов по истории военного дела Л. Л. Раков, сумевший превратить его в «энциклопедию блокады». Особо ценными в историческом и духовном смысле – помимо образцов оружия и изделий военной промышленности, официальных документов, агитационной продукции, фотографий, сделанных военкорами, – в нем были личные реликвии. Тысячи ленинградцев принесли в фонды и на экспозицию нового музея, который сразу стал воистину народным, уникальные свидетельства блокады – вещи, дневники, предметы скудного быта. Одна из них – ставший всемирно известным свидетельством бесчеловечности гитлеризма дневник Тани Савичевой. 5 октября 1945 г. СНК РСФСР принял решение о преобразовании этой выставки в музей «Оборона Ленинграда» республиканского значения⁷⁷. А еще весной 1945-го Ленгорисполком ходатайствовал перед ЦК ВКП(б) в лице секретаря ЦК Г. М. Маленкова о следующем: «Ленинградский горком ВКП(б) в ознаменование героической обороны г. Ленинграда в период Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков просит: а) разрешить установить в Ленинграде памятник “За оборону Ленинграда”.

б) установку памятника произвести на площади у Дома Советов по Московскому шоссе в центре нового архитектурного ансамбля, который будет посвящен эпохе Великой Отечественной войны и обороне Ленинграда. в) приступить в 1945 году к проектированию памятника с тем, чтобы к строительству памятника приступить в 1947 году»⁷⁸. Этим планам не суждено было сбыться. Именно Маленковым был подписан приговор Музею обороны и блокады, ставшему жертвой «Ленинградского дела» в 1949 г.⁷⁹ Практически вся его уникальная коллекция была уничтожена (включая редкие образцы трофейного оружия и дневники ленинградцев), небольшое оставшееся отправлено в запасники нескольких городских музеев. Вместе с руководителями Ленинграда были репрессированы Л. Л. Раков и значительная часть сотрудников. Музей был вновь открыт лишь 40 лет спустя после своего закрытия, вызвав всплеск неугасающего интереса у горожан, снова, как и в 1944-м, откликнувшихся на призыв принести сохранившиеся семейные реликвии. Увы, ныне он занимает два из 18 ранее принадлежавших ему

⁷⁴ Ленинградцы. Блокадные дневники. Из фондов Государственного Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / Сост., послесл., комм. И. А. Муравьева. СПб., Лениздат, Команда А, 2014. Вклейка 1. С. 4.

⁷⁵ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 471.

⁷⁶ Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События. Из записок музейного работника. Л., 1984. С. 77–78.

⁷⁷ Фатигарова Н. В. Указ. соч. С. 196–197.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 368. Л. 238.

⁷⁹ Ленинградцы. Блокадные дневники... С. 561.

залов, не имея возможности достойно представить частично воссозданные прежние и появившиеся за четверть века после второго открытия фонды.

Государственная политика в сфере музеефикации и мемориализации событий Великой Отечественной к 1943–1944 гг. приобрела вполне сложившиеся очертания. Помимо акцента на глорификацию событий войны, с освобождением от нацистской оккупации «братских республик» – Латвии, Литвы и Эстонии, со стремительным перемещением боевых действий за территорию СССР и победоносным наступлением Красной Армии на запад, актуализируются сюжеты международного положения нашей страны и, следовательно, геополитических событий, предшествовавших Великой Отечественной. В этом смысле образцовой являлась концепция выставки «Красная Армия в боях с немецко-фашистскими захватчиками» в Центральном музее Красной Армии, утвержденная Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с подачи Главного политуправления РККА. К ее организации были привлечены Генеральный Штаб Красной Армии, Главное и Центральное управления Наркомата обороны, Наркомат военно-морского флота, Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР, Всесоюзный комитет по делам кинематографии при СНК СССР, ТАСС, Институт марксизма-ленинизма и, едва ли не впервые за всю войну в музейной практике – Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук Союза ССР⁸⁰. Созданной при взаимодействии столь внушительных организаций-участниц выставке отводилась роль «хрестоматии» по официальной версии актуальной истории. Тем более важно обратить внимание на то, что помимо традиционно освещаемых разделов, посвященных ключевым военным событиям и операциям, в число основных тем были включены и геополитические сюжеты предвоенного (применительно к СССР) времени. Вот основные из них: «Мирная политика советского правительства. Т. Сталин о внешней политике Советского Союза. Советско-германский договор от 23 августа 1939 года и его значение для СССР. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. Договор между СССР и Финляндией о ненападении. Добровольное вступление Литвы, Латвии и Эстонии в СССР. Мирное разрешение советско-румынского конфликта о Бессарабии. Карта – итоги боев в Финляндии, обеспечение безопасности города Ленина. Документы о добровольном вступлении Литвы, Латвии, Эстонии, фотокопии договоров между СССР и Прибалтийскими странами, СССР и Финляндии, СССР и Германии»⁸¹.

«Внешнюю» линию мемориализации и музеефикации еще не остывших событий партийное руководство страны провело в конце 1944-го – первой половине 1945 г. серией мероприятий, ориентирующих «международную общественность» на увековечение роли Красной Армии-освободительницы и подвига Советского Солдата. Одним из типичных шагов в этом направлении стала поездка представителей международного Всеславянского комитета в Болгарию в марте 1945 г., итогом которой стало обращение его руководства «К общественности стран, освобожденных Красной Армией»:

«Представителям славянских народов, посетившим Болгарию в день народного праздника освобождения от иноземного владычества, была предоставлена возможность осмотреть исторические места, связанные с боевыми действиями Русской Армии, боровшейся за свободу Болгарии.

Памятники, сооруженные в этих местах, исторические могилы, окруженные постоянным вниманием болгарского народа, не могли не вызвать у нас чувства восхищения. Движимые этим чувством мы обращаемся к общественности Польши, Чехословакии, Югославии, а также Румынии и Венгрии с призывом: увековечить память славных воинов Красной Армии, освободителей от немецко-фашистского рабства, павших в войне, которая сейчас заканчивается полным разгромом гитлеровской Германии.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 219. Л. 45.

⁸¹ Там же. Л. 48–49.

Создавая памятники, монументы, мавзолеи над могилами героев, создавая памятники-музеи, следовало иметь в виду, что они должны быть рассчитаны на долгое существование. Доски с именами героев должны были быть из благородного и прочного материала, чтобы надписи не стирались со временем, чтобы им была гарантирована вековая сохранность⁸². Так с уходом боевых действий с территории СССР советская государственная политика в музейно-мемориальном аспекте Великой Отечественной войны логично экстраполировалась на освобожденные Красной Армией страны.

Итак, на основании архивных источников и историографии советского и постсоветского времени можно реконструировать этапы государственной политики по музеефикации и меморализации событий войны и ее музейного воплощения. Собственно, эта политика приобрела системные очертания спустя год-полтора после начала Великой Отечественной. До того партийно-государственное руководство посылало лишь ситуативные «импульсы», направленные на усиление агитационно-пропагандистской патриотической работы. Главным приемом этой работы в указанный период стала апелляция к патриотизму – причем впервые с 1917 г. – в неразрывной связи с дореволюционной историей. Тогда же государство вынужденно пыталось посредством «перестановки» акцентов разрушить многолетние устойчивые стереотипы массового сознания о внешних «друзьях и врагах». При этом нельзя не отметить, что уже в этот тяжелейший период война советского народа воспринималась как судьбоносное, достойное вечной памяти событие. Хотя документальное и предметное «обеспечение» этой памяти пока являлось делом профессиональной ответственности музейщиков, а не задачей государственной важности. И сотрудники музеев РСФСР, несмотря на колоссальные трудности, в большинстве своем эту задачу выполнили. С переломного 1943 г., после победы в Сталинградской битве, Наркомпрос и Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) детализировали и обобщали подходы к музейной работе. В 1943–1945 гг. принимались важные, профессионально и ситуационно оправданные документы, систематизирующие сбор экспонатов – памятников войны, создание экспозиций и временных выставок, посвященных различным этапам войны, изменениям международных отношений, развивающие военное краеведение и т. д. Однако одновременно формировался «госзаказ» на глорификацию событий войны, создание «безупречного и безошибочного» образа власти, олицетворенной И. В. Сталиным, замалчивались трагические страницы военной истории – страницы, без которых в полной мере не понять и не прочувствовать цену великой Победы. «На нашу долю выпало быть свидетелями и участниками величайшей из войн, которые когда-либо вела Россия. Исход ее решает будущее не только нашей страны, но также Европы и всего мира. Темп жизни скор как никогда. Дела, события, впечатления быстро сменяются и, вытесняемые новыми, уходят в историю. Память – самое ненадежное хранилище сведений по истории. Жгучее “сегодня”, делаясь “вчера”, теряет в представлении свою яркость; постепенно оно блекнет, многое забывается. Сохранение материалов для будущей истории войны становится, таким образом, одной из важнейших задач наших историков как в центре, так и на местах»⁸³, – это несколько пафосное, но оттого не менее справедливое, заключение сделано выдающимся музейным историком в разгар Великой Отечественной, когда жгучая правда войны еще не стала остывшим, отшлифованным идеологией «вчера». Задача сохранения материализованной памяти о войне выполнена музейщиками России в той максимальной мере, в какой это было возможно, иногда с помощью власти, а порой – вопреки ей.

⁸² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 368. Л. 8–9.

⁸³ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 4.

Глава II

Фронт без флангов

Эвакуация музеев

Внезапность и сила нападения гитлеровской Германии, сокрушительно быстрое продвижение вермахта по территории нашей страны потребовали колоссального напряжения всех сфер жизни СССР. И, увы, выявили системную неготовность к ней – как высших эшелонов власти, так и ее представителей в регионах. «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы все идут и идут... Это называлось: “Мы готовы к войне”... Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству...»⁸⁴ – записала Ольга Берггольц в дневнике в августе 1941 г. Пакт Молотова – Риббентропа «расслабил» политическое руководство страны, уверовавшее, что потенциальный грозный противник «замирен». К вторжению гитлеровских войск СССР оказался не готов ни стратегически, ни материально-технически, ни организационно, ни психологически. (Констатация этого трагического факта отражена как в официальных документах, включая материалы архива Минобороны, так и в исследованиях аналитического характера, дневниках и мемуарах.)⁸⁵ Ситуация в музейной сфере, увы, не оказалась исключением.

Грузовики с бесценными экспонатами в кузовах, белой июльской ночью отъезжающие от Зимнего дворца, – хрестоматийно известная фотография вполне может стать визуальной метафорой экстренной эвакуации музейных сокровищ на восток страны. Летняя романтическая идиллия, еще не потревоженная ревом бомбардировщиков и воем артобстрелов, но чудовищное напряжение уже носится в воздухе. Летом 1941 г. советские музейщики были «мобилизованы» на один из главных «фронтов» Великой Отечественной – на защиту уникального многовекового культурного наследия. И оказались не только самоотверженными бойцами этого фронта: своим профессионализмом и слаженностью действий они во многом смогли «смягчить» катастрофическую ситуацию, возникшую из-за стремительного наступления гитлеровской армии и управленческого коллапса в союзном и республиканском Наркомпросах.

В РСФСР для подавляющего большинства музеев заблаговременно не были предусмотрены меры, обеспечивающие безопасность экспонатов. Работы по их спасению проводились без должной материальной базы, при острой нехватке времени, транспорта и рабочих рук, нередко под бомбежками и артиллерийскими обстрелами. Отсутствие реально работающего плана эвакуации, предусматривавшего в достаточном количестве новые места нахождения коллекций (эвакобазы), привело к тому, что в ряде тыловых городов были спешно закрыты, а порой и выселены местные музеи, даже без предварительной консервации их коллекций. Документы позволяют проанализировать, как и когда были приняты решения, касающиеся музейной сферы, насколько они были адекватны ситуации и как на практике в условиях военного времени решались проблемы, связанные с судьбой отечественных музеев.

⁸⁴ Берггольц О. Ф. Ольга. Запретный дневник: стихи, проза, дневники, архивные материалы. СПб., 2010. С. 64.

⁸⁵ См. например: Так начиналась война. URL: <http://22june.mil.ru/> (дата обращения: 27.08.2017); Христофоров В. С. 1941 год: чрезвычайные меры в СССР по предотвращению катастрофы // Великая Отечественная война. 1941 год: исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2011. С. 211–271; Его же. Общественные настроения в СССР: июнь – декабрь 1941 г. // Там же. С. 445–479; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000; Берггольц О. Ф. Указ. соч.; Гранин Д. На войну мы пошли безоружными в буквальном и в духовном смысле // Новая газета. 2017. 7 мая. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/08/72394> (дата обращения: 16.08.2017).

Тяжелая обстановка первых полутора лет войны требовала решений оперативных, но, безусловно, глубоко продуманных. Последнее было невозможным – Красная Армия откатывалась вглубь по всему фронту, оставляя стратегически важные населенные пункты. В условиях реальной угрозы, нависшей над советским государством, внимание его руководства было сосредоточено на проблемах, весьма далеких от культуры.

Война стала «проверкой на прочность» всех государственных институтов. И немедленно выявила оторванность многих из них от реальной жизни, показала неспособность руководящего аппарата гибко реагировать на стремительно (и угрожающе) меняющуюся ситуацию. И что не менее важно – обнажила пробелы, возникшие в управлении сферой культуры в мирное время. Среди них – отсутствие единого государственного музейного фонда (полного сводного реестра экспонатов музеев, имеющих общесоюзный и республиканские статусы). Следствием этого, в частности, стала «дезориентация» высших госчиновников сферы культуры в вопросах необходимых эвакуационных масштабов. Народный комиссариат просвещения РСФСР как основной проводник государственной политики в области музейного дела в республике в годы войны нередко издавал приказы и распоряжения, исходя из сиюминутных потребностей без согласования с другими ведомствами, от которых также зависело выполнение этих директив, не имея представления о ситуации на местах и не проводя анализа возможных последствий. И такая поспешность в условиях войны нередко лишь усугубляла сложившуюся ситуацию.

Война поставила перед музеями две главные задачи: сохранить музейные ценности – национальное достояние – и определить основные формы своей деятельности в новых экстремальных условиях. Именно на их решении делался акцент в приказах Наркомпроса РСФСР 1941 г. «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов в годы войны» и «О формах функционирования музеев в условиях военного времени»⁸⁶. К сожалению, оба этих документа были подготовлены и опубликованы не превентивно, а постфактум – когда война уже шла. И «рецепты», указанные в них, увы, запоздали.

Для того чтобы сохранить для будущих поколений историческое и культурное наследие, спасти его от уничтожения и расхищения, работникам музеев предписывалось в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 2 июля 1941 г. № 502 «О порядке подготовки населения к противоздушной и противохимической обороне и порядке создании групп самозащиты на территории РСФСР»⁸⁷ своими силами обеспечить защиту своих зданий от атак с воздуха, срочно подготовить наиболее ценные коллекции фондовых собраний музеев прифронтовой полосы к эвакуации вглубь страны, обеспечить их сохранность в период перевозки и размещения. С первым музеи справились почти повсеместно. Что же касается вывоза и обустройства хранения художественных ценностей, то тут дело обстояло куда сложнее. Как уже упоминалось, каких-либо заблаговременно подготовленных реалистичных эвакуационных планов фактически не существовало. Собственно, не употреблялось применительно к музеям и само понятие «эвакуация»: речь в документах шла о «разгрузке».

В документах зафиксированы единичные попытки в конце тридцатых годов заняться решением этого вопроса – но лишь в аспекте вывоза населения. Так, например, была даже создана специальная комиссия, ее возглавил председатель Моссовета В. П. Пронин. 3 июня он представил И. В. Сталину свой план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». Предусматривалось, в частности, с началом войны вывезти в тыловые районы более 1 млн москвичей. 5 июня на докладной записке председателя комиссии появилась резолюция И. В. Сталина:

«Т-щу Пронину.»

⁸⁶ Годунова Л. Н. Историко-революционные музеи в 1941–1982 гг. // Актуальные проблемы советского музееведения: сб. научн. тр. / Центр. музей революции СССР. М., 1987. С. 107.

⁸⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2657. Л. 1.

Ваше предложение о “частичной” эвакуации населения Москвы в “военное время” считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию – ЦК и СНК уведомят Вас»⁸⁸.

Очевидно, что после такого категоричного резюме вождя любые инициативы в отношении необходимости эвакуации, как людей, так и ценностей, были не только бесперспективны, но и опасны.

Не были заранее созданы и органы, призванные непосредственно руководить перебазированием производительных сил страны. Все это пришлось решать уже в ходе начавшейся войны, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки, что не могло не иметь отрицательных последствий.

Внезапность фашистской агрессии, гигантские размеры театра военных действий, массированные удары с воздуха, артиллерийские обстрелы, превращение многих городов и сельских населенных пунктов в арену ожесточенных сражений – все это создавало исключительные сложности во время эвакуации, требовало от людей огромного физического и морального напряжения, умения быстро и прагматично реагировать на резку, и далеко не в лучшую сторону, меняющуюся ситуацию.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л. М. Кагановича (председатель), А. Н. Косыгина (заместитель председателя), Н. М. Шверника (заместитель председателя), Б. М. Шапошникова, С. Н. Круглова, П. С. Попкова, Н. Ф. Дубровина и А. И. Кирпичникова.

Этот орган в государственном масштабе определял сроки, порядок, очередность эвакуации промышленных предприятий, материальных культурных ценностей и населения, а также пункты их размещения. Он обладал широкими полномочиями, его решения были обязательны для всех партийных, советских и хозяйственных органов. Все работы Совет по эвакуации осуществлял через уполномоченных при наркоматах в лице заместителей наркомов. В Наркомпросе РСФСР вопросами эвакуации руководил заместитель Наркома просвещения Н. Ф. Гаврилов.

26-го, 27 июня и 1 июля в Совет по эвакуации были дополнительно введены А. И. Микоян (ставший первым заместителем председателя), Л. П. Берия и М. Г. Первухин.

«Тогда считалось, – вспоминал А. И. Микоян, – что Наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширился. Все подряд эвакуировать было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович, глава Наркомата путей сообщения (НКПС) не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации»⁸⁹. 3 июля 1941 г. его председателем был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. Однако на этом организационный процесс не завершился. 16 июля последовало новое решение Государственного комитета обороны (ГКО) «О составе Совета по эвакуации». На этот раз в его реорганизованный состав вошли: Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель председателя), М. Г. Первухин (заместитель председателя), А. И. Микоян, Л. М. Каганович, М. З. Сабуров (в отсутствие Сабурова его заменял Г. П. Косяченко) и В. С. Абакумов (представлявший Наркомат внутренних дел)⁹⁰.

⁸⁸ Куманев Г. А. Война и Эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2007. № 6. С. 9.

⁸⁹ Микоян А. И. В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 103–104.

⁹⁰ Куманев Г. А. Война и Эвакуация в СССР... С. 9.

В самом НКПС вопросами эвакуации населения и материальных грузов занимались Грузовое управление и Управление движения. Здесь была сформирована оперативная группа в составе 25 человек. Состоявшая из опытных работников, она осуществляла выполнение решений Совета по эвакуации: обеспечивала подачу вагонов под погрузку, вела их учет, контролировала их путь и разгрузку. Наркоматом путей сообщения было срочно начато составление конкретных планов и мероприятий, связанных с беспрепятственным продвижением эшелонов с эвакуируемыми грузами. Тогдашний заместитель наркома путей сообщения и начальник Грузового управления НКПС Н. Ф. Дубровин вспоминал:

«Конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали. Положение осложнялось тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны. Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу и эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками. Между тем необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий»⁹¹.

16 августа 1941 г. постановлением ГКО в Совет по эвакуации ввели заместителя начальника Главного управления тыла Красной Армии генерал-майора М. В. Захарова. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым.

Вся работа по спасению людей, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей постоянно находилась в центре внимания ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР и Совета по эвакуации. За практическое осуществление перебазирования производительных сил отвечали центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов прифронтовых и многих областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по эвакуации. К выполнению этой судьбоносно важной военно-хозяйственной задачи были также привлечены Госплан СССР и Наркомат обороны СССР⁹².

Функции уполномоченных выполняли секретари крайкомов, обкомов и райкомов партии. Принципиально важно понимать: вывоз музейного имущества из районов, к которым подходила война, проводился одновременно с общей эвакуацией промышленности, материальных ценностей и населения данной территории.

Наркомат просвещения РСФСР в соответствии с указаниями Совета по эвакуации в первые дни войны приступил к разработке актуального, соответствующего тревожным реалиям, эвакуационного плана подведомственных ему музеев из Ленинграда, Новгорода, Пскова и Крымской АССР, в котором предусматривал пункты их дальнейшего размещения и транспорт⁹³. (79 художественных музеев находились в подчинении Комитетов по делам искусств при СНК СССР и СНК РСФСР.) Начинать приходилось практически «с нуля».

⁹¹ Там же. С. 11.

⁹² Там же. С. 9.

⁹³ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 75. Д. 73. Л. 6–7.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.